

Девушка из моря

Автор:

Шалини Боланд

Девушка из моря

Шалини Боланд

Национальный бестселлер Британии

Нет, так просто я не умру.

С ожесточенным упорством я выталкиваю себя из глубины. Воды поглощают меня. Уносятся во мрак гирлянды пузырьков. Последние отчаянные всплески, и вот он, спасительный воздух. Влажный ночной запах. Наконец-то я вновь вижу чернильное небо...

Но «я» – это кто?

Говорят, я Мия Джеймс. Для меня это имя – пустой звук. Я выжила, но моя память осталась в море. Ничего не помню, никого не узнаю – даже себя в зеркале. Единственное, что осталось от прошлого, – эта странная женщина в обрывочных воспоминаниях. Раз за разом она приближается ко мне, и ее глаза горят ненавистью. Мне дико страшно, но это единственный ключ к моей жизни. И несостоявшейся смерти...

Шалини Боланд

Девушка из моря

Shalini Boland

The Girl From the Sea

© Юркан М.Ю., перевод на русский язык, 2019

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2019

* * *

Сколько бы ни прошло времени, что бы ни случилось, есть что-то такое, о чем не забудешь никогда. Нестираемая память, то, что засело в человеке намертво.

Харуки Мураками. Кафка на пляже[1 - Пер. С. Логачева и И. Логачева.]

Темные воды поглотили меня, неумолимо затягивая в черноту. Нет, так просто я не позволю этим водам утопить меня, я сопротивляюсь, сопротивляюсь, изо всех сил извиваясь и брыкаясь. С ожесточенным упорством я выталкиваю себя из глубины. Воды поглощают меня. Уносятся во мрак гирлянды пузырьков. Последние отчаянные всплески, и вот он... спасительный ток воздуха. Влажный ночной запах. Наконец-то я вновь вижу чернильное небо. От изнеможения я даже не чувствую облегчения. Я лишь жадно заглатываю воздух, машинально продолжая куда-то плыть. Я осознаю только то, что должна продолжать загребать руками и толкать ногами.

Двигаться.

Оставаться в живых.

Глава 1

Запах соли и водорослей. Пересохшее горло. Потрескавшиеся губы. Головная боль... Тяжелая и мокрая, облепившая меня одежда. Холод. Дрожь. Мысли путаются.

Что со мной происходит?

Глаза не открываются. Плеск волн, пузырящихся, пенных волн. Крики птиц, дуновение ветра, теплого ветра. Из горла вырывается кашель, хриплые отзвуки. Боль. Все звуки кажутся близкими и в то же время далекими. Я недвижима. Тело заоченело. Я не могу двигаться. Или могу?

Меня омывают волны. Холодные и соленые. словно хотят унести обратно. Увлечь в глубины. Но волны отступают, вместо них дуновения холодного и теплого воздуха.

Мои глаза распахиваются.

Туманный, ослепительно-яркий свет. Я вижу размытые очертания бежевых, голубых и серых оттенков.

Голова покоится на чем-то холодном и жестком. Не на подушке. Не на дороге. На песке. На мокром песке. Что-то давит мне на висок. Камень? Я с трудом поворачиваю голову. Поднимаю непослушную, онемевшую руку. Она отбрасывает какую-то гальку. Отбрасывает в сторону, совершив невероятное усилие. Я кашляю. К горлу подступает тошнота. Рот наполняется соленой водой. Она выплескивается вместе с желчью. Слезы. Сопли.

Умоляю, кто-нибудь, скажите мне, что случилось. Такое ощущение, будто мой разум попал в темную ловушку и выбраться из нее я не способна. Кажется, что меня окутала непроницаемая оболочка. Я запечатана в странном плотном коконе.

Мои панические мысли нарушает приглушенный голос. Я пытаюсь осознать его. Но смысл доносящихся слов ускользает... мне не удастся понять этой отрывистой речи. Я стараюсь не закрывать глаза. Пытаюсь сфокусировать взгляд. Но ни зрение, ни слух не желают подчиняться мне.

- Поппи, нельзя!

Сопение, черный нос и мокрый язык. Повизгивание и лай.

- Поппи, нельзя! Ко мне!

Чья-то собака. Мне по-прежнему не удастся нормально сфокусировать взгляд.

- Что с вами? Извините. Поппи, ты хорошая девочка.

Я опять открываю глаза, приказывая взгляду сфокусироваться.

- Как вы себя чувствуете? - Тот же голос, на сей раз ближе.

В поле моего зрения маячит чье-то лицо. Я вижу очки на носу, рот, розовую помаду на губах.

Из моего горла вырывается нечленораздельный хрип. Тихие булькающие звуки. Совершенно неразборчивые. Что я пытаюсь сказать?

- Я позвонила на девять-девять-девять[2 - 999 - телефон экстренной службы в Великобритании.]. Не волнуйтесь. Поппи, сидеть! «Скорая помощь» приедет быстро. - Чья-то теплая ладонь касается моей холодной руки. - Успокойтесь, все будет хорошо.

Будет ли? Эта особа хочет помочь мне. Мой мозг сумел хоть что-то понять. Нормально. Я могу довериться этой женщине, она поможет мне. Мои глаза опять закрываются. Как же трудно держать их открытыми. Еще труднее сфокусировать взгляд.

Новые голоса журчат точно соленые волны, точно дуновение ветерка на моей щеке. Звуковой поток пытается проникнуть в мое сознание. Часть меня пытается отвергнуть эти голоса. Держать их в отдалении, в размытой звуковой невнятице. Они сливаются друг с другом, точно волны и ветер. Однако в самой глубине души я осознаю, что мне необходимо понять смысл их слов. Нужно понять, что же случилось.

- Вы слышите меня?

Мой слух улавливает новый женский голос. Более молодой и уверенный. Я чувствую теплое дыхание на лице.

- Привет, вы можете открыть глаза? Можете посмотреть на меня?

Я заставляю веки подняться.

- Отлично. Можете сказать ваше имя?

Тепло начинает распространяться по моему телу. Кто-то накрыл меня одеялом. Я и забыла, насколько замерзла.

- Посмотрите на меня еще раз. Отлично. Вы можете назвать свое имя?

Я пристально смотрю в добрые карие глаза. Женщина в униформе. Ее волосы стянуты на затылке в «конский хвост». Я открываю рот, чтобы произнести свое имя. Но опять закрываю его. В голове моей полнейшая пустота. Мозг отказывается думать.

- Вы слышите меня?

Я хотела кивнуть, но голова отказывается даже шевелиться.

- Да, - ответила я, хотя из моего рта не вылетело ни звука.

- Ладно, - сказала женщина в медицинской форме. - Вы знаете, где находитесь?

- На пляже? - еле слышно прохрипела я.

- Верно. А вы знаете, на каком пляже?

- Нет.

- Не могли бы вы сказать, как вы себя чувствуете, физически?

– Усталой.

– Вы выбрались из воды? После плавания в море?

– Видимо, выбралась из воды, – прошептала я.

– Вы ранены? У вас что-нибудь болит?

– Трудно сказать... болит горло, голова. Холодно.

– Понятно. Мы собираемся поднять вас с песка. Вы не против, если мы унесем вас подальше от моря и разместим в более комфортном месте?

Я опять закрыла глаза. Мне страшно. Они хотят поднять меня, но вдруг у меня что-то сломано? Не повредят ли они мне еще больше, поднимая меня?

Несколько минут теряются в тумане. Меня подняли и положили на носилки. Могло быть и хуже; у меня ломит все тело, но острой боли я не почувствовала. На меня устремлены внимательные взгляды. Я достаточно пришла в себя и осознаю происходящее. Надо мной склонилась та женщина в очках, с розовой губной помадой.

– Не волнуйтесь, – сказала она, – теперь вы в хороших руках. О вас позаботятся. – Она отступила, слегка коснувшись пальцами моей щеки.

Меня уже несут куда-то. По песчаному пляжу от моря. Мне еще холодно, но теплый ветерок овеивает мое лицо, а солнце пригревает голову. Кажется, я плыву над землей. Невесомая, как воздух. Женщина и мужчина в униформе что-то говорят мне, но от изнеможения я не в силах вникнуть в суть их вопросов. Их голоса сливаются в моем сознании с шорохами песка под чьими-то ногами и с криками чаек.

* * *

Стены цвета зеленоватой зубной пасты, к запаху антисептика примешивается запах грязных носков. Застойный, неизбывный запах, как в перегретом и

душном салоне самолета. Я сижу на больничной койке в отделении экстренной медицинской помощи, ожидая врачебного осмотра. Медсестра уже измерила мне температуру и давление. Занавесы по бокам моей кровати задернуты, но в ногах осталось открытое пространство, поэтому я вижу часть палаты. Напротив меня лежит подросток, рядом с ним сидит его мать. Я не знаю, что с ним случилось. В голове у меня немного прояснилось, и мысли стали более четкими. Однако пульсирующая боль еще не утихла, и мне не удастся подавить страх, грудь сжимает тревога, противная дрожь скручивает живот, а подступающий к горлу комок затрудняет дыхание.

Мимо уверенно проходят медсестры, раздавая указания коллегам. В палате дребезжат тележки, развозящие медицинское оборудование. По крайней мере, мне тепло и сухо. Мою мокрую одежду забрали, и теперь я одета в бесформенную больничную рубашку голубого цвета. Я напряженно вздрагиваю, услышав приближающийся женский голос. Уловив сильный акцент, я размышляю, откуда могла приехать эта женщина. Возможно, из России или из Польши?

- Эту женщину привезли с пляжа? - доносятся до меня ее слова. - Когда?

- Только что, - отвечает другой женский голос.

Обе женщины появляются возле моей кровати. Молодой врач в белом халате, ее светлые волосы стянуты в аккуратный пучок на затылке. Вторая, дама зрелого возраста, видимо, медсестра. Врач с улыбкой взглянула на меня. Медсестра удалилась по своим делам.

- Добрый день. Я доктор Лазовски.

- Привет, - прохрипела я.

Сняв со спинки моей кровати планшет, она подошла ко мне.

- Как вы себя чувствуете? - спросила она.

- Странно, - ответила я, - голова слегка кружится и болит. Я чувствую себя усталой, разбитой и... какой-то ошеломленной.

- Вы можете назвать мне свое имя?

Я открыла рот, намереваясь ответить, но, как и раньше на пляже, ничего не смогла сказать. У меня вырвался смущенный смешок.

- Я... как ни глупо это прозвучит, но я просто... видимо, не могу вспомнить, - призналась я, пробежав пальцами по своим влажным и спутанным волосам.

- Ничего страшного, - успокаивающе произнесла врач, - а вы знаете, где живете?

- Наверное, в... Нет. Мне очень жаль. Тоже не знаю. Но как же я могу этого не знать? - Мой голос задрожал, к глазам подступили слезы.

- Вы пережили шок, - пояснила она, - просто вам надо хорошенько отдохнуть. Постарайтесь успокоиться. Теперь вы в безопасности, и мы позаботимся о вас. Понятно? У вас ретроградная амнезия, но при благоприятных обстоятельствах память к вам скоро вернется.

При слове «амнезия» у меня перехватило дыхание.

- Я проведу обследование, - продолжила она, полностью закрывая занавески, - надо проверить ваше физическое состояние, а потом мы постараемся вернуть утраченные воспоминания.

На меня накатил волна изнеможения, я опять начала задремывать. Мне хотелось закрыть глаза и забыться сном, но доктор Лазовски вновь обратилась ко мне. И я постаралась сосредоточиться.

- Не могли бы вы сесть прямо?

Я послушно поднялась с подушек.

- Мне нужно послушать ваше сердце и легкие. Просто дышите спокойно.

Вооружившись висевшим на шее стетоскопом, она принялась прослушивать меня, сначала прикладывая головку прибора к моей спине, а потом перейдя на

грудь.

- Вы помните, что плавали в море? – спрашивает она, пока я неловко пытаюсь опустить больничную рубашку.

- Нет.

- Но вы были в море?

- Видимо, была. Но точно не знаю. Я помню лишь, что очнулась на берегу, насквозь промокшая. Волны накатывали на меня. – Я вздрогнула от этих воспоминаний.

- Гм-м, понятно, – озабоченно произнесла она, – то есть нам не известно, сколько времени вы провели в воде. Меня беспокоит возможная легочная инфекция, поэтому придется поддержать вас в постели по меньшей мере несколько дней. Понаблюдать за вашим состоянием.

- Что-то серьезное? – спросила я.

- Просто для профилактики, – ответила она, – мы также поставим вам капельницу.

- Капельницу? – с тревогой повторила я, почему-то испугавшись.

- Вы обезвожены, – пояснила она, – и вам необходимо восполнить потери воды и электролитов в организме.

Закрыв глаза, я потерла лоб кончиками пальцев. Что же случилось со мной? Как я попала сюда? И почему очнулась на этом берегу?

Почему я не могу ничего вспомнить?

Меня перевезли в другую палату. Поставили капельницу для восполнения потерь воды. Но от вида этого прозрачного мешка с жидкостью меня бросило в дрожь, он висел надо мной точно странный и нелепый прозрачный орган, поэтому я отвернулась от него и, лежа на боку, принялась разглядывать в окно цветочную клумбу перед какой-то стеной. Слава богу, в голове начало проясняться – сильная слабость прошла, туман рассеялся, – наверное, жидкость помогла мне.

Но ни обезвоживание, ни возможная легочная инфекция не вызывали у меня беспокойства. Ни малейшего. По-настоящему я расстроилась из-за того, что до сих пор не знала, кто я такая. Совершенно не знала. Доктор Лазовски говорила, что амнезия из-за шока или травмы обычно быстро проходит. Она проверила мои рефлексы и чувство равновесия, и мне также пришлось пройти какие-то тесты на проверку умственной деятельности и памяти. И пока получалось, что у меня есть лишь проблемы с долговременной памятью. Но мне еще предстояло пройти магнитно-резонансную томографию, поэтому я надеялась, что она прольет новый свет на причину беспомощности.

Честно говоря, я упорно старалась не впадать в панику. Хотя сердце невольно колотилось как бешеное, голова кружилась, и мне то и дело приходилось вытирать потеющие ладони. Почему же я не знаю, кто я такая? Безумие какое-то. Естественно, я должна знать собственное имя, возраст, свое прошлое. Но пытаюсь выудить эти сведения из собственного мозга, я блуждала в полной пустоте. Врач советовала мне не волноваться. Она сказала, что они попытаются сами установить мою личность. И как только я увижу кого-то из моих ближайших родственников, память может сразу же вернуться ко мне. Но вдруг она ошибается? Через каждые двадцать минут мне продолжали задавать вопросы. Вопросы, типа: «Как вас зовут? Вы знаете, где живете? Как зовут вашу мать? Какой сегодня год?» А я неизменно отвечала:

– Не знаю... Нет... Не могу вспомнить.

О себе я знала лишь то, что сегодня ранним утром меня нашла женщина, гулявшая с собакой, как выяснилось, по саутборнскому пляжу города Борнмут в графстве Дорсет на южном побережье Англии. Я слышала о Борнмуте, но не могла ничего вспомнить об этом месте. Живу ли я в этом городе? Понятия не имею.

Я оглянулась на шум голосов и шагов. Дежурная медсестра приближалась к моей кровати в компании мужчины и женщины, оба в строгих костюмах. Они пришли повидать меня? Должно быть, так. Раз идут в мою сторону. Может, это родственники? Или друзья?

Нет, слишком серьезный у них вид. Похоже, официальный визит. Я приподнялась с подушек, головокружение усилилось. Глубоко вздохнув, я постаралась успокоиться.

– Привет, – с улыбкой сказала мне медсестра, – к вам пара посетителей из полицейского участка. Они заверили меня, что у них всего несколько вопросов. Вы готовы с ними поговорить?

В готовности я сомневалась, однако согласно кивнула. Она задернула занавес вокруг моей кровати до самого окна и удалилась, оставив меня с двумя полицейскими. На вид обоим лет под тридцать или немного больше. Они улыбаются мне, и я тоже попыталась настроиться на веселый лад и улыбнуться, хотя не уверена, что улыбка у меня получилась.

– Не возражаете, если мы присядем? – спросила женщина, заправляя за ухо выбившуюся волнистую прядь белокурых волос.

– Конечно, – ответила я слабым хриловатым голосом.

Она взяла из стоявшей под окном стопки два пластиковых стула и с некоторым трудом перетасила их к другой стороне кровати. Коллега взялся помочь ей, и после шумной возни им удалось разъединить эту пару стульев.

– Похоже, у вас выдалось непростое утро, – начала она, когда они наконец уселись. – Я сержант Эмма Райт, а это мой коллега, констебль Кристофер Блэкфорд.

Блэкфорд поздоровался с беглой улыбкой и деловито достал из кармана блокнот и ручку.

– Можете вы сказать нам вашу фамилию? – продолжила сержант Райт.

Прикусив губу, я покачала головой.

- Не могу... не знаю. Не могу вспомнить. К сожалению.

- Все нормально, - успокаивающе произнесла она, - мы же из отдела уголовного розыска и пришли как раз для того, чтобы выяснить, что с вами произошло сегодня утром.

- Уголовного? - переспросила я, внезапно испугавшись. - Неужели я совершила какое-то преступление?

- Нет, насколько нам известно, - ответила сержант Райт, - нам просто хотелось бы попытаться установить некоторые факты. Понятно?

Я кивнула.

- Как вы себя чувствуете? - спросила она.

- Непривычно. Какая-то слабость. Я совершенно потеряла память. Врач сказала, что у меня ретроградная амнезия... я не помню даже своего имени. - Впервые произнеся это признание, я почувствовала, как глаза мои невольно наполнились слезами, но я подавила их и глубоко вздохнула.

Ведь эти люди пришли помочь мне. И мне нужно рассказать им все, что я знаю, по возможности связно и разумно.

- Что вы помните об утренних событиях? - продолжила Райт. - Опишите нам ваше самое раннее воспоминание? - Помимо доброжелательности, в ее взгляде читались сосредоточенность и настороженность.

Мысленно вернувшись в прошедшее утро, я вспомнила странное смятение и страх, словно часть какого-то кошмарного сна. Обрывочного и фантастического. Казалось, что с того момента пролетела уже целая жизнь.

- Я очнулась на берегу, - начала я, - в полубессознательном состоянии. Чувствовала холод. На меня накатывали волны, но я не могла сдвинуться с места. Точно я была слишком усталой и отяжелевшей, чтобы встать. Доктор

Лазовски говорила, что, очевидно, я долго пробыла в воде. По меньшей мере больше часа.

С содроганием мне припомнилась эта холодная вода. Слава богу, что здесь под мягкими одеялами мне удалось согреться.

– А как вы оказались на берегу? – спросила сержант Райт.

– В том-то и дело, что не знаю, – ответила я.

Меня не покидало навязчивое ощущение того, что я была в море, но это не назовешь четким воспоминанием. Всего лишь какое-то смутное ощущение. Однако плавать я не могла, учитывая наличие на мне верхней одежды. И вообще, на мой взгляд, утреннее купание не входило в число моих привычек. Хотя я и не помню практически никаких своих предпочтений.

– У вас совсем нет травм?

– Только пара шишек на затылке. Они немного побаливают, но доктор считает, что серьезного вреда нет.

– Вы помните, как ударились?

– Нет. – Я покачала головой.

Ее коллега старательно строчит что-то в блокноте.

– А вы помните хоть кого-нибудь из той жизни, какой жили до того, как пришли в себя на берегу? – продолжила она.

– Нет, никого не помню. Только женщину, нашедшую меня на том пляже. По моему, она гуляла с собакой. Поппи. Это кличка собаки. Она была в очках. Женщина, конечно, не собака, – у меня вырвался сдавленный смешок.

Должно быть, я произвожу идиотское впечатление.

- Простите, - добавила я.

- Вы держитесь просто отлично, - одобительно заметила сержант Райт.

Я сдержала усмешку. Отлично - для выброшенной на берег идиотки, которая не помнит даже собственного имени.

- Жаль, что я ничего не могу вспомнить, - сказала я. - Доктор Лазовски говорила, что на мне был спортивный наряд. Майка и эластичные легинсы, возможно, я вышла на пробежку?

- Мы пока заберем вашу одежду в качестве вещественного доказательства, - сказала сержант Райт.

- Доказательства?

- Просто на всякий случай.

«Какой же тут может быть случай?» - подумала я.

- А в какое время дня вы впервые открыли глаза, придя в себя? - на сей раз прозвучал низкий бархатистый голос констебля Блэкфорда, ободряюще взглянувшего на меня.

- Утром, - ответила я.

- Ранним утром? Еще в предрассветных сумерках?

- Нет. Было уже светло. Лицо мое согревало солнце.

- Где вы живете? - спросил он.

Я задумалась и даже открыла рот, собираясь ответить, однако ответа не нашлось. Память начисто отказывала мне. Я попыталась представить то место, где жила. Попыталась вызвать в памяти его образ... какой-то дом? Квартиру?

- Не знаю, - уныло помотав головой, я уставилась на свои руки.

Я вдруг осознала, что на пальцах нет колец. То есть нет ни свадебного, ни обручального кольца, если только я не потеряла их в море. Или, возможно, я почему-то предпочитала не носить эти кольца. Я потеряла ряд мозолей на ладони.

- Есть ли у вас какие-нибудь особые приметы? - спросила сержант Райт. - Может, татуировки? Или родинки?

- Не знаю. Могу посмотреть.

- Ладно, может, посмотрим в конце разговора?

Я кивнула.

- Может быть, вы вспомните имена каких-то знакомых вам людей? - спросила она.

Я вновь подняла глаза. На ее лице явно проявилась надежда. Мне очень хотелось вспомнить кого-нибудь. Но от раздумий у меня еще больше разболелась голова.

- Это могло бы помочь нам выяснить, кто вы, - пояснила она, - если бы вы смогли вспомнить чье-то имя или даже прозвище, - предположила она, - любое имя, случайно всплывшее из памяти?

Глупость какая-то, но в голове моей крутилась только кличка Поппи. От этого мне стало смешно. Я закусила губу.

- Ну хоть какое-то воспоминание? - опять спросила сержант.

Я удрученно покачала головой.

- Бригада наших криминалистов проводит расследование на том пляже, - сообщила она, - они занимаются поиском очевидцев. Возможно, им удастся также найти вашу сумочку, или кошелек, или телефон. Что-то, способное помочь

нам установить вашу личность.

Я кивнула.

– Вы позволите нам взять у вас отпечатки пальцев? – спросила она. – Мы проверим их по нашей компьютерной сети, может быть, найдем совпадение.

– Да, возможно, – согласилась я.

– И пробу на ДНК? – продолжила она. – В том случае, если вас не окажется в нашей базе данных, мы все-таки резко сократим область поисков и получим процент совпадений.

– Процент совпадений?

– Совпадение с какими-то родственниками... родителями или братьями и сестрами.

Я вяло кивнула. На меня опять навалилась усталость. Полнейшее истощение сил. Хотелось просто накрыться одеялом и уснуть. Но сержант Райт продолжала говорить:

– Мы хотим передать ваше описание в местные газеты: возможно, они смогут помочь нам, дав объявление. Благодаря этому кто-то может вспомнить то, что случилось с вами, или найдется кто-то из ваших знакомых. Вы согласны?

– Да, – ответила я, – пожалуйста, делайте все, что нужно. Спасибо.

– Для начала мы не станем обнародовать вашу фотографию. Но все-таки нам надо вас сфотографировать на тот случай, если понадобится опознание. Понимаете?

Я опять кивнула. Хорошо бы, кто-то смог помочь мне. Кто-то знакомый. Друг. Родители. Жутко не хочется в одиночку противостоять такой странной ситуации. Все предложенные меры вполне логичны, и я понимаю, что они могут помочь, и тем не менее их необходимость потрясает меня до глубины души.

Полицейские задавали мне еще какие-то вопросы, и я отвечала на них, как могла. Но мне не удалось сообщить им ничего сверх того, что я уже говорила. Моя память точно запертая шкатулка. Может, после сна что-то прояснится.

Следующие полчаса прошли как в тумане. Констебль Блэкфорд прямо здесь, в палате, снял отпечатки моих пальцев. Потом он взял пробу ДНК. Они сфотографировали меня – должно быть, я выглядела ужасно, но у меня не было времени или возможности глянуть на себя в зеркало. С приступом ужаса я вдруг осознала, что не представляю даже, как я выгляжу.

Напоследок медсестра отвела меня в отдельную палату и проверила, нет ли на мне каких-то татуировок или родинок. Ничего не нашла, за исключением слабого старого шрама на предплечье. В остальном мое тело выглядело безупречно гладким.

Я понимала, что все эти люди хотят помочь мне – доктора, медсестры, полицейские, – так почему же у меня такое ощущение, будто я сама стала важным вещественным доказательством? Что, если память ко мне не вернется? Вдруг никому не известно, что я пропала. Может, у меня нет родственников? Нет вообще никаких знакомых?

Глава 3

Почти с ужасом я приближалась к зеркалу в больничной ванной комнате. Узнаю ли я себя? Вчера после ухода полицейских я легла спать. И в результате, проснувшись сегодня утром, почувствовала себя немного бодрее, в чуть более решительном настроении. Меня наконец отсоединили от капельницы, и я почувствовала себя, по крайней мере, менее травмированной. Память по-прежнему отсутствовала, но она вернется ко мне. Я сделаю все необходимое и для начала взгляну на себя в зеркало. Вопреки всему надеюсь узнать ту личность, которая явится мне в отражении.

Я обвела ванную комнату намеренно рассеянным взглядом. Зеркало висит над раковиной прямо передо мной, но мне понадобилась вся моя храбрость, чтобы решиться с достойным видом взглянуть в него. Глубоко вздохнув, я расправила плечи. Спокойно и равнодушно позволила взгляду скользнуть по зеркалу.

Передо мной молодая женщина... лет двадцати с небольшим, максимум ей может быть лет двадцать пять. Желтовато-бледный цвет лица, карие глаза, темные спутанные волосы. Ей определенно не помешало бы подкрасить глаза и губы. Я подношу руки к своему лицу. Касаюсь бледных губ, темных бровей, вздернутого носа. На вид, пожалуй, я могла бы сойти за испанку или итальянку.

Неужели вот так я и выгляжу?

Да, видимо, так оно и есть.

Что ж, по крайней мере, теперь я поняла, насколько серьезна моя амнезия, ведь мне совершенно не знакомо отражение в зеркале. На меня взирает незнакомка. Я стараюсь спокойно, без эмоций, оценить эту новость.

- Все в порядке, - прошептала я, - память к тебе вернется.

Я глянула в зеркало более пристально, будто от этого могло что-то измениться. Будто я могла заставить себя узнать собственное отражение. Но чем пристальнее я смотрела, тем более незнакомой казалась себе. Изображение начало расплываться. Совершенно неожиданно я увидела, что начала плакать. Слезы сбегали по щекам незнакомки. Я смахнула их пальцами, но поток не иссяк. Кто же эта девушка в зеркале? Кто я? Почему это случилось со мной?

Я закрыла глаза, чтобы не видеть этот несчастный образ, опустилась на пол и, обхватив себя руками, съежилась, прижавшись спиной к двери ванной комнаты.

Кто я? Кто я? Кто я?

Не знаю, долго ли я просидела на полу в ванной, но внезапно почувствовала, что непрерывные рыдания утомили меня. Глаза на мокром месте, в горле пересохло, навалилась усталость от бесплодных мыслей и слез. Мысленно приказав себе перестать ныть, я с трудом поднялась с пола, поборов дрожь в коленках, и осознала, что у меня появились новые силы.

Больше я не позволю себе столь мрачных мыслей. Надо постараться настроиться на позитивный лад. Верить в то, что кто-то узнает и найдет меня. Как потерянный чемодан или забытый лотерейный приз с приклеенным сбоку

билетом. Горячий душ взбодрит меня и улучшит настроение. Прошел ведь всего один день. Может, завтра к этому времени ко мне вернется память, и все будет хорошо.

Полчаса спустя я вернулась в палату в чистой пижаме и домашнем халате – одежде из благотворительного больничного фонда. Надо будет не забыть поблагодарить их. Чистое тело приятно горело, а густые волнистые волосы стали гладкими и блестящими. Теперь я чувствовала себя намного лучше. Я прошла мимо других больных. На меня глянула какая-то молодая женщина, но большинство спали. Мне повезло, кровать моя находилась в конце палаты возле окна. И я чувствовала себя в относительном уединении. Я забралась на кровать, но села прямо на покрывало: не хотелось потерять ощущения свежести после душа.

За окном стоял очередной ясный день, на лазоревом небе сияло солнце. Видимо, на улице жарко. Внезапно мне захотелось погулять. Почувствовать тепло солнечных лучей и аромат летнего ветерка, а не торчать здесь, в душной больничной палате. Интересно, можно ли мне немного прогуляться? И я сочла, что ничто не мешает мне прогуляться.

Однако с прогулкой придется подождать, поскольку, подняв глаза, я увидела знакомое лицо. Ко мне шла Эмма, сержант Райт из полиции. Одета в белую рубашку и серые брюки, жакет переброшен через руку, ее щеки покраснелись. Похоже, ей жарко, она выглядит озабоченной, но, подойдя ближе, улыбается мне.

– Доброе утро, – сказала она, – сегодня вы выглядите лучше.

Она села и откинула со лба влажную прядь волос.

– Привет, – откликнулась я, – спасибо. Мне и правда лучше. Удалось принять душ и привести в порядок волосы, поэтому я чувствую себя больше похожей на человека.

– Отлично.

Я с ожиданием взглянула на Эмму, надеясь, что у нее есть новости. В этот момент в палате появился и ее коллега, констебль Блэкфорд. Он прошел мимо

других кроватей, сжимая в руке две бутылочки воды. С улыбкой кивнув мне, он сел рядом с сержантом, передав ей одну из бутылочек.

– Ну и пекло сегодня на улице, – заметил он, отвинтив крышку и сделав большой глоток воды, – а у нас в машине еще и кондиционер сдох.

Я скроила сочувственную мину.

– В общем, это неважно. Как ваша память? Вспомнилось что-нибудь со вчерашнего дня?

– Ничего. – Я покачала головой. – Более того, я даже не узнала в зеркале свою физиономию.

– Жаль это слышать, – сказала сержант Райт, – но, возможно, у нас есть для вас хорошие новости.

В ожидании продолжения мое сердце заколотилось быстрее.

– Перейду прямо к делу, – продолжила она. – Один из местных жителей сообщил нам, что прошлой ночью пропала женщина... описание женщины совпадает с вашей внешностью. Мы думаем, что речь, возможно, идет именно о вас.

Мне понадобилось немного времени, чтобы осознать ее слова. Я не ожидала, что у них так быстро появятся новости обо мне. Забравшись поглубже на кровать, я скрестила ноги и поплотнее запахнула халат. Что же мне предстоит узнать? Множество волнующих вариантов промелькнуло в моей голове, но я не смогла толком оценить ни один из них. Мне не удавалось собраться с мыслями.

– Как вы себя чувствуете? – спросила сержант Райт. – Что-то вы побледнели. Хотя, учитывая обстоятельства, это не удивительно.

– Все нормально, – проворчала я.

– Имя пропавшей женщины, соответствующей вашему описанию, Мия Джеймс, – добавила она. – Оно не кажется вам знакомым?

Знакомым? Не сказала бы. Я произнесла мысленно это имя – Мия Джеймс. Благозвучно, но кажется ли оно мне моим? Возможно. Не знаю. Господи, какая глупость. Как же я могу не знать, кто я такая? Мне казалось, что ответ буквально крутится на кончике моего языка, просто мне никак не удается произнести его. Я пытаюсь его понять, но смысл ускользает. Выскальзывает, точно рыба. Скользит по волнам и исчезает. Внезапно на меня опять навалилась дикая усталость. Заболела голова. Мне отчаянно захотелось спать.

– Что с вами? – спросила она. – Крис, будь добр, налей ей воды.

– Конечно. – Констебль Блэкфорд встал, выполнил просьбу и протянул мне стакан. Я сделала пару глотков тепловатой жидкости и дрожащей рукой поставила стакан обратно на прикроватную тумбочку.

– Кто сообщил, что я пропала? – спросила я. – Кто-то из родственников? Или друзей?

– Прежде чем утверждать что-то, нам необходимо тщательно проверить прошлое этого человека. Но нам хотелось для начала сообщить вам имя и выяснить, узнаете ли вы его. Проверить, не поможет ли оно включить ваши воспоминания.

– Увы, имя ничего мне не напомнило, – заявила я, – оно кажется мне абсолютно незнакомым. Это плохо?

– Нет, – быстро ответила она, – просто это означает, что нам придется тщательно проверить все сведения перед тем, как окончательно установить вашу личность. Наверняка убедиться в том, что вы и есть тот человек, которого ищет заявивший о пропаже.

– И сколько это может занять времени? – спросила я.

Мне не хотелось слишком долго думать об имени Мия, пока не станет ясно, что оно действительно мое. Я предпочла бы не испытывать разочарования, если окажется, что это ошибка или просто дурацкая шутка какого-то психопата.

– Трудно сказать, сколько времени нам понадобится. Но мы постараемся проверить все как можно быстрее.

– Спасибо вам.

Меня все больше начинал занимать вопрос, кто же именно откликнулся первым на мое исчезновение. И мне хотелось, чтобы они скорее сообщили мне, кто это.

– Ваши данные уже занесли в нашу социальную сеть. Сегодня их также опубликуют в местных газетах и передадут в новостях по нашим телеканалам, – добавила сержант Райт, – поэтому, если версия с пропавшим человеком окажется тупиковой, я надеюсь, что благодаря средствам массовой информации мы получим более достоверные отклики. Пока мы решили не обнародовать вашу фотографию. Придерживаем ее до более определенной ситуации.

Я задумалась о сегодняшних газетных новостях, излагавших мою историю, о дикторах местных телеканалов, сообщающих о «выброшенной на берег женщине». И мне вдруг захотелось забраться под одеяло и спрятаться от всех, накрывшись с головой.

– Я понимаю, насколько вы ошеломлены, – сказала сержант Райт, практически угадав мои мысли, – но вам не стоит переживать или пытаться что-то делать. Просто отдохайте, пока мы задействуем все наши службы и возможности. Поверьте, мы сумеем выяснить все необходимое.

Я кивнула, благодарная за ее добрые слова, однако мне также хотелось, чтобы они скорее ушли и оставили меня в покое. Ужасно мучительное положение. Мне правда необходимо хорошенько выспаться.

После их ухода я наконец закрыла глаза, но в голове моей навязчиво крутилось имя Мия Джеймс, и я с тревогой раздумывала, действительно ли меня так зовут.

Я прикрыла глаза под ярким светом больничных светильников и поморщилась от резкого запаха антисептика, такого сильного, что его привкус ощущался даже в горле. Все мое тело начало нервно пульсировать, меня уложили на стол томографа, под шею подложили валик и голову зафиксировали ремнями. Я предпочла не слушать музыку, поэтому теперь в приборных наушниках слышала только пульсацию собственной крови и удары сердца. Изредка мое приглушенное уединение нарушал голос рентгенолога, и тогда в наушниках слышались его указания или ободрения.

Из-за пары шишек на затылке и амнезии врачи решили проверить с помощью этого магниторезонансного томографа, не появилось ли в моем мозге каких-то повреждений или аномалий. Доктор Лазовски заверила меня, что такое сканирование является «самым обычным методом обследования». Но с этого-то, по-моему, все и начинается. Самым обычным это обследование бывает до тех пор, пока что-то не обнаружат; после этого все обычное закончится.

Я глубоко вздохнула, когда этот стол начал автоматически заползать в камеру аппарата, похожую на пончик с дыркой для начинки. Моя голова будет находиться в этой нише, пока будут сканировать внутренности моего мозга. Ей-богу, это потрясающе умное устройство, и если бы я меньше волновалась, то подивилась бы такой фантастической технике. Но я жутко боялась, мое дыхание стало затрудненным и прерывистым, сердце бешено колотилось, кровь со свистом пульсировала в ушах, готовая, казалось, выплеснуться наружу.

– Отлично, вы держитесь молодцом, – услышала я голос рентгенолога.

Я лежала, сцепив руки на животе. Ладони вспотели. Внезапно мне представился жуткий образ крематория и какой-то гроб, неумолимодвигающийся по конвейеру к красному занавесу, за которым скрывается пылающая кремационная печь. Меня охватило ошеломляющее желание вскочить и убежать. Нет, надо думать о чем-то другом. Думать о чем-то другом. К моей голове приблизился датчик томографа.

– У вас все хорошо, – опять произнес голос, – мы почти готовы и сейчас сделаем несколько изображений.

Деловой, серьезный голос пробился через мой страх. «У меня все хорошо, – мысленно произнесла я. – Они просто сделают несколько фотографий, и все

закончится».

Меня предупредили, что аппаратура будет шуметь, но даже с ушами, закрытыми наушниками, я все-таки вздрогнула. Хорошо еще, что мне зафиксировали голову ремнями. Я сосредоточилась на дыхании. Закрывает глаза и постаралась отбросить страх. Думать о чем-то успокаивающем. Ведь это обследование поможет мне. Все люди здесь хотят помочь мне. Спокойный вдох и выдох, стук моего сердца замедлился, страх уменьшился. Невероятно устроен мозг – он способен довести человека до безумия или подарить успокоение.

Расслабившись, я попыталась представить умиротворяющую картину. Мне представилось море, но его вид успокоил меня, не внушив чувства страха. Я увидела пятнистый солнечный свет, играющий на чернильно-синих волнах. Я слышала их успокаивающий и тихий плеск. Ощутила тепло солнечных лучей на коже. Это чистая фантазия? Или воспоминание?

Остаток процедуры прошел нормально, и я даже не успела осознать, когда она закончилась.

Я уже сижу в палате на кровати, листая старые журналы. Меня одолевает беспокойство. Мне скучно. Я прогулялась по больничному саду. Посидела в кафетерии. Побродила по коридорам. Зашла в телевизионную гостиную, где показывали бесконечные новости. Мне думалось, что я смогу увидеть себя по телевизору, но после часового просмотра гнетущих мировых бедствий отказалась от этой идеи и покинула эту комнату. Я предпочла бы переодеться в более цивильную одежду. В этих благотворительных пижамах я кажусь себе больной, хотя уже чувствую себя здоровой. Безусловно, здесь, в больнице, я долго не выдержу. Я валяюсь на кровати, хотя на самом деле мне даже не хочется спать. Но куда я пойду? Я же не представляю, где живу.

Бездельно сидя на кровати, я поглядываю на медсестер, все они доброжелательно и деловито ходят по палате, помогая больным. Доктор Лазовски сказала, что опасность миновала. Мой водный баланс восстановился, и отпала опасность инфекции в легких. Очевидно, я полностью здорова. Она сказала, что у меня все в порядке. В порядке? Как же у меня может быть все в порядке, если я до сих пор не знаю, кто я? Через пару дней будут готовы результаты обследования на томографе. Может, они прольют свет на то, что случилось в моей голове.

Полицейские больше не приходили, поэтому, возможно, их версия оказалась тупиковой. Может, настоящая Мия Джеймс уже нашлась целая и невредимая и воссоединилась с любящей семьей. Или, возможно, ее пока так и не нашли. Вздохнув, я отложила журнал в сторону и легла на кровать. Повернувшись на бок, я взглянула в окно на кирпичную стену, на поникшие от жары цветы. На ограду опустилась чайка. Она скосила взгляд в мою сторону, и я тоже пригляделась к ней. Большая птица. Она выглядит спокойной, уверенной в себе. У нее нет имени, но она знает, кто она такая. Она знает свое место в этом мире.

- Привет.

Я уже начала вздрагивать от этих слов. Кто-то пришел. Чайка склонила головку и улетела. Я обернулась и села. Ко мне приблизилась сержант Эмма Райт.

- Привет, - повторила она.

- Салют, - ответила я.

Она улыбнулась. Искренней, сердечной улыбкой, а не притворно вежливой. Все-таки приятно общаться с людьми. Даже с малознакомыми.

- Не возражаете, если я... - Она показала на один из пластиковых стульев около моей кровати.

- Конечно, прошу вас.

Она устроилась на стуле, повесив на спинку свою черную сумку.

- Я пообщалась с дежурной медсестрой. Она сообщила мне, что вы уже достаточно хорошо себя чувствуете и нам с вами можно опять поговорить. Вам действительно лучше?

Я кивнула, но добавила:

- Хотя я по-прежнему не помню, кто я.

– Очень жаль, – сказала она, – мы можем назначить одного из наших сотрудников для связи... и у вас будет личный консультант в полиции, чтобы держать в курсе новостей нашего расследования. Однако пока вы вполне можете держать связь со мной по любым вопросам, если вас что-то беспокоит или появятся новые воспоминания. Сейчас я дам мою визитку.

– О, спасибо, хорошо, – откликнулась я.

Правда, у меня нет даже телефона или денег, поэтому как же я смогу связаться с ней. Она порылась в своей сумочке и в итоге протянула мне белый прямоугольничек своей визитки.

– Там есть номер телефона, по которому вы можете звонить, – пояснила она.

Поблагодарив сержанта, я положила визитку на прикроватную тумбочку.

– Помните, в понедельник мы говорили о человеке, способном опознать вас? – спросила она.

Я кивнула. Последние два дня я только об этом в основном и думала. Я вдруг осознала, что затаила дыхание.

– Мы навели кое-какие справки и полагаем, что упомянутый человек верно установил вашу личность.

Я осознала, что означают ее слова.

– То есть... я и есть та самая Мия Джеймс?

– Да.

Я напряженно вытянула пальцы и глубоко вздохнула. Я почувствовала, что мне надо встать. Соскользнув с кровати и встав у окна, я провела руками по волосам.

– Вас что-то тревожит? – спросила она.

- Просто пытаюсь осознать... - призналась я, оглянувшись на нее.

- Понятно. Должно быть, странно наконец узнать, кто вы.

- А кто тот человек? - спросила я. - Тот, кто сообщил о моем исчезновении.

Я подумала, не мог ли он быть моим отцом? Братом? Или мужем?

- Его зовут мистер Пирс Беван-Прайс. На самом деле он ваш друг.

- У меня есть друг?

- Очевидно, - она улыбнулась, - мы проверили его биографию, поговорили с ним. Перепроверили его слова у других людей, у вашего терапевта и на вашем бывшем месте работы. Все подтвердилось. Так что вам совершенно не о чем волноваться.

- Ладно. Спасибо вам.

- Вы хотите увидеть его? Он здесь, если вы не против.

Я почувствовала легкий укол страха.

- Но нет никакой особой спешки, - продолжила она, - если вы пока не готовы встретиться с ним, мы попросим его подождать, дадим вам больше времени, чтобы прийти в себя. Он с удовольствием подождет, пока вы успокоитесь.

Я с облегчением выслушала ее. Не отрицаю, что встреча с этим другом жутко пугала меня. Но разве не этого я ждала? Нельзя отказываться от такой встречи. Возможно, она поможет мне вернуть память.

- Разумеется, мне нужно встретиться с ним, - ответила я, - но не могли бы вы отложить встречу хотя бы на часик? Мне действительно нужно... успокоиться.

- Конечно, - согласилась она, - может, вы хотели бы, чтобы я была с вами, когда он придет?

– Нет, все будет нормально. – Я покачала головой.

– Прекрасно. Тогда я спущусь вниз и сообщу ему. Ему не терпится увидеть вас.

У меня екнуло сердце. Ну вот. Похоже, скоро начнется моя новая жизнь.

Глава 5

После ухода сержанта Райт прошел почти час. Она вот-вот вернется с моим другом, Пирсом. Другом, о котором я ничего не помню. И лицо его я, вероятно, даже не узнаю. И мне предстоит совсем скоро встретиться с ним в этой поношенной пижаме и халате.

Я присела на краешек постели. Женщина на соседней кровати мирно спала, и я задернула занавес с одной стороны кровати, создав себе иллюзию уединения. Я глянула на настенные часы. Он может прийти в любой момент. В животе у меня нервно урчало, и я вся подрагивала от тревожного ожидания. Я пыталась успокоиться, однако последние минуты прошли в невыносимом волнении. Зря я не согласилась встретиться с ним сразу, а промаялась целый час, усугубляя свои тревожные ожидания.

До меня донеслись звуки шагов, живот скрутило от страха, но я осмелилась выглянуть из-за занавеса. Всего лишь медсестры. Смехотворная ситуация. Мне необходимо успокоиться. Встав с кровати, я пересела на ближайший стул, схватила журнал с тумбочки, быстро пролиставала и попыталась сосредоточиться на статье о брошенных мужьях. Мне не удалось понять ни слова, но, по крайней мере, на душе стало немного спокойнее.

– Мия.

Мужской голос. Низкий и уверенный. Я подняла взгляд от журнала. Передо мной мужчина среднего роста, загорелый блондин. Красавец. С огромным букетом цветов. Рядом с ним стояла сержант Райт.

– Привет, Мия, – сказала она, – к вам пришел Пирс. Позовите меня, если вам что-то понадобится. – «Удачи», – безмолвно добавила она, стоя за его спиной.

Я кивнула, не способная пока ничего произнести.

– Боже, Мия, вот и ты. – Его лицо расплылось в улыбке.

Стремительно шагнув ко мне, он положил цветы на кровать и раскинул руки для объятий. Но я продолжала сидеть, откинувшись на спинку стула. Он замер. На лице его вдруг отразилось сомнение, руки опустились.

– Мия? Ты нормально себя чувствуешь? Мне говорили, что ты потеряла память. Однако... меня ты, разумеется, должна узнать.

– Простите, – ответила я, жалея его, – я не узнаю вас. Я не узнаю даже саму себя.

– Вот черт, – вырвалось у него, – извини. Я не сомневался, что ты узнаешь меня, – с резкой самоуверенностью произнес он. Произношение его казалось аристократически правильным. Более правильным, чем мое собственное, осознала я.

В его дорогой на вид одежде ощущалась некоторая небрежность, шорты дополняла спортивная рубашка с короткими рукавами, светлые волосы аккуратно уложены, идеальная стрижка бобриком. К тому же он безумно красив. Слишком красив. И, похоже, знает это. Хотя, возможно, я ошибаюсь.

– Ладно, детка, как ты вообще себя чувствуешь, не считая потери памяти? У тебя ничего не болит?

Детка? Вот как. Видимо, придется привыкнуть к такому обращению.

– Спасибо, мне уже значительно лучше. Но несколько дней провела как в тумане.

– Еще бы. Просто невероятно. Я жутко волновался, знаешь. – Он сел рядом со мной и завладел моей рукой, обхватил ее своими теплыми и жесткими ладонями. – Мия, ты и впрямь сама на себя не похожа. Тебя лучше побыстрее отвезти домой. Тебе нужно вернуться в комфортную обстановку.

- Где я живу? - спросила я, гадая, не живем ли мы вместе.

- Боже мой. - Он так пристально посмотрел на меня, словно пытался проникнуть в мои мысли. - Невероятно. Ты не помнишь даже собственный дом?

- У меня есть дом?

- Конечно, в Крайстчерче. Твой дом стоит на берегу реки. Прелестное местечко. И тебе там нравится.

Ладно, приятная новость.

- Крайстчерч? Он где-то поблизости? И мне принадлежит целый дом? Или там... еще кто-то живет?

Я сочла неловким спрашивать, живем ли мы вместе. Слишком интимный вопрос для едва знакомого человека.

- Мия, ты там полноправная хозяйка. Я, конечно, частенько ночевал у тебя, однако ты предпочитаешь иногда, скажем так, побыть в одиночестве. - Он закатил глаза и усмехнулся.

Вот это уже прекрасная новость. Я обрадовалась, что у меня есть собственный дом. Не думаю, что сейчас выдержала бы соседство чужих для меня людей. Даже такого красавчика, как Пирс Беван-Прайс.

- И Крайстчерч находится всего в пятнадцати милях отсюда, - добавил он, - достаточно близко. Неужели, детка, ты решительно ничего не помнишь?

Я отрицательно покачала головой. Он сидел так близко, что я уловила запах его лосьона после бритья. Сексуальный мужской запах, однако это шокировало меня. Он сидел слишком близко. Мне захотелось, чтобы он оставил в покое мою руку.

- Вы хотите воды? - высвободив руку, спросила я и, поднявшись со стула, направилась к графину с водой.

– Нет, спасибо, – ответил он, – я целое утро пил кофе внизу, ожидая встречи с тобой.

Мне тоже не хотелось пить, но я налила себе стакан, просто чтобы чем-то заняться, пока обдумывала, что еще сказать ему.

– Мне не разрешали увидеть тебя, – продолжил он, – я терзался неопределенностью. Последние дни мне пришлось постоянно мотаться между больницей и полицейским участком. Казалось, меня считают каким-то преступником.

Я сделала сочувственное лицо, глотнула воды и, поставив на место стакан, опять села на стул.

– Мия, что же случилось? – спросил он. – Как ты оказалась на саутборнском пляже? Ты же понимаешь, что можешь рассказать мне все. Если тебе есть что скрывать от полиции, то мне ты можешь доверять. Мы же всем делились друг с другом.

Я посмотрела на него. Впервые серьезно взглянула на него. Его глаза так блестели, как будто он сдерживал обуревавшие его чувства. Казалось, он вот-вот заплачет.

– Если бы я знала, – проворчала я, – то сказала бы. Однако не знаю. Ничего не знаю. Кажется, у меня из памяти стерлось все, что происходило в моей жизни до воскресного утра. У меня ретроградная амнезия. Я не притворяюсь, если тебе вдруг подумалось, – я решила тоже больше не выкать ему, – будто я что-то скрываю. Хотя лучше бы так и было.

– Нет-нет, разумеется, ничего такого я не думал... просто... нет, кошмар какой-то, – отрывисто произнес он.

И тут меня посетила здравая мысль.

– Что я делала в тот вечер, до того как меня нашли? – спросила я. – Где я провела субботний вечер?

– Не знаю, – удивленно ответил он, – разве полицейские не сообщили тебе? Я рассказывал им обо всем уже тысячу раз.

– Никто мне ничего не сообщал, – ответила я, вдруг удивившись, почему они молчали.

– В общем, это довольно странно с их стороны, – заметил он, – я-то полагал, что они предоставили тебе все сведения. Но, насколько мне известно, ты хотела провести тот вечер дома, – заключил Пирс.

– Что значит «насколько известно»?

– Я имел в виду, что мы собирались в субботу вечером на вечеринку к Ричу и Аннелизе, но ты заявила, что устала и не хочешь идти. Поэтому ты осталась дома, а я отправился на вечеринку один.

– Кто такие Рич и Аннелиз?

– Друзья, – ответил он, – Ричу стукнул тридцатник. Они устраивали вечеринку.

– Вот как.

– Честно говоря, Мия, я весь вечер отвратительно себя чувствовал.

– Отвратительно? Почему?

– Мне следовало остаться с тобой. Зря я потащился к ним один. Если бы остался, то, возможно, ничего бы не случилось.

– Ты же не мог знать, – возразила я, – раз я сказала, что устала, то, вероятно, просто хотела провести тихий вечер и пораньше лечь спать.

– Ну да, наверное. – Он вздохнул и потер руками подбородок. – Однако это никак не объясняет, почему ты оказалась на том пляже.

– Могла ли я отправиться на раннюю утреннюю пробежку? – спросила я. – Меня нашли в спортивной форме.

– Какой форме? – он вскинул голову и пристально глянул на меня.

– Эластичных легинсах и топе.

– Так ты одеваешься для гребли.

Гребля? Неужели он имеет в виду греблю на лодках?

– Ты же состоишь в гребном клубе, – добавил он.

– Я занимаюсь греблей?

– Можно и так сказать.

– Что ты имеешь в виду? – спросила я, уловив легкую обиду в его голосе.

– Мия, тебе нравится кататься на лодках. Очень.

– По морю? То есть я могла...

– Нет, не по морю, – прервал он меня, – обычно ты каталась по реке.

– Может, я для разнообразия вышла в море... и в итоге лодка перевернулась?

– Вряд ли. И с чего вдруг ты отправилась на морскую прогулку, если чувствовала себя усталой?

– Не знаю. Интересно, удастся ли мне это выяснить? Вернется ли ко мне память?

В груди вновь забились тревога. Что, если память никогда не вернется? Вдруг мне придется начинать жизнь заново, с чистого листа? В окружении полнейших незнакомцев. Я вскочила со стула и в нервном беспокойстве прошла мимо Пирса к окну.

– Уверен, что вернется, – сказал он, провожая меня взглядом, – не навечно же ты обеспамятела!

Я сомневалась. Между нами повисло молчание.

– Хочешь, я покажу тебе фотографии? – спросил он. – Та дама в полиции сочла, что это может оказаться полезным.

– Давай, конечно, отличная идея, – согласилась я, – может, я узнаю кого-то или что-то.

Мне не верилось, что кого-то узнаю, но просмотр ничем мне не повредит.

Он достал мобильный, а я вернулась на стул и, склонившись к нему, начала разглядывать множество фотографий, запечатлевших нас вдвоем. На большинстве снимков мы выглядели как влюбленная парочка. Лгнули друг к другу. Пялились друг на друга, глядя прямо в глаза. У меня блестящие, прямые волосы, обтягивающие дорогие наряды. Попадались и снимки наших друзей – радостные, красивые люди, тусовавшиеся в барах и ресторанах, нежащиеся на пляжах, развлекающиеся на яхтах. Видимо, мы являли собой эффектную парочку, вели гламурную жизнь. Жизнь, которой любой мог позавидовать. Жизнь, которую я не могу вспомнить.

– Славные фотки, – оценила я.

Однако я воспринимала их как картины чьей-то чужой жизни. Не почувствовала ни малейшей связи с запечатленной на них девушкой. И ни малейшей связи с сидящим рядом со мной мужчиной.

– Что говорит врач? – спросил Пирс, спрятав телефон обратно в карман. – Можно мне поговорить с ним?

Он встал, его красивое лицо прорезали озабоченные морщины.

– С ней, – поправила я, – меня ведет доктор Лазовски. Она говорит, что память может вернуться в любой момент. Что, вероятно, это последствия травмы. Ты знаешь, что я получила какие-то удары по затылку?

– Да, мне говорили в участке. Спрашивали, не знаю ли я, откуда взялись твои шишки! – Он покачал головой. – Все это чистое безумие. Должны же доктора как-то помочь. Нам надо проконсультироваться у других специалистов.

– Пока не стоит, – возразила я, не желая подвергаться новым обследованиям и сомневаясь, что у меня хватит сил выдержать их, – если через недельку или дней десять память не вернется ко мне естественным образом, то я рассмотрю другие варианты.

– И все-таки мне не понятно, как ты попала на тот пляж. Что ты могла там делать?

– Мне тоже неизвестно, – вздохнула я, – и это отчасти связано с потерей памяти. Ты можешь спрашивать меня все, что угодно, однако моя память пока представляет собой нечто вроде огромного пустого сундука.

Я старалась говорить не слишком резко, но мне уже осточертели все эти вопросы. Я понимала, что он лишь пытался помочь мне, но всякий раз, когда меня о чем-то спрашивали, а я не знала ответа, мне хотелось, чтобы меня просто оставили в покое. Как будто я виновата в том, что ничего не помню. Можно подумать, что я какая-то идиотка.

– Конечно, конечно, – согласился он, – я понимаю. Прости, детка. Я просто очень беспокоился, понимаешь.

– Разумеется, – ответила я, – мне хочется вернуть память. Ужасно неприятное состояние.

Пауза затягивалась. Неловкое молчание. Пирс барабанил пальцами по колену, пожевывая уголок губ.

– А где моя семья? – спросила я. – Родители, братья, сестры?

– О... Гм... В общем, твой отец умер несколько лет назад, но вы с ним практически не знали друг друга. Он ушел, когда ты была совсем маленькой.

Я постаралась переварить эту новость. Странно слышать столь личные подробности моей жизни от незнакомца.

– Однако тебя, в сущности, не волновало, что вы почти незнакомы, – добавил Пирс, – если тебе от этого станет легче.

– Значит, я совсем не знала его? Никогда даже не встречалась?

– Нет. Извини, Мия.

– Не за что извиняться. Это же не твоя вина. И вообще, мне не хочется вспоминать этого типа. – У меня вырвался нервный смешок, и хотя он с легкостью мог перейти в рыдания, я не позволила им прорваться.

Я не представляла, какие трудности подстерегают меня на пути восстановления собственной жизни. Мне даже не хотелось больше ни о чем спрашивать, но я невольно продолжила:

– А моя мама? Она еще жива?

– Да. Твоя мама и сестра по-прежнему живут в Лондоне. Ты тоже там родилась, но несколько лет назад перебралась сюда.

Ладно, уже что-то хорошее. По крайней мере, у меня есть мать и сестра. Есть семья. Люди, которых волнует моя судьба.

– Им известно, что я попала в больницу?

Пирс встал и пробежал пальцем по вороту рубашки.

– Боже, какая жара, – проворчал он, – ты должна еще оставаться здесь? – спросил он. – Я имею в виду, в больнице. Или можно отвезти тебя домой? Поговорим об всем этом, когда доберемся? То есть, не считая амнезии, у тебя ведь все в порядке, верно? Возможно, все будет восприниматься более естественно, когда ты покинешь палату. Больничная атмосфера действует подавляюще.

– Полагаю, я могу уехать. Доктор говорила, что мое здоровье в полном порядке, не считая исчезновения памяти.

– Отлично. Должен я кому-то сообщить? – он поднялся со стула. – Той даме из полиции или твоему врачу? Позволят ли мне забрать тебя отсюда?

Позволят ли ему? Готова ли я уехать? Подумав немного, я кивнула.

– Да, – ответила я, – надо поговорить с ними. Узнать, разрешат ли мне поехать домой.

Вообще-то, я сомневалась, что приняла верное решение.

Глава 6

Пирс везет меня в своей новой машине «Порше Кайен». Хотя я не помню ничего о своей жизни, но знаю достаточно, чтобы осознать заоблачную цену этой спортивной машины. Я испытываю легкое смущение, облачившись в голубые трикотажные шорты и соответствующую футболку. На самом деле это тоже пижама, которую Пирс купил для меня в больничном магазине, но он заявил, что такой наряд выглядит прекрасно, и никто даже не подумает, что это пижама. Я поверила ему на слово, но все-таки предпочла бы, чтобы он привез мне приличную одежду из дома. Доктор Лазовски совсем не обрадовалась тому, что я уезжаю прямо сегодня. Она неодобрительно взглянула на Пирса, когда он спросил об этом. Но согласилась выписать меня с тем условием, что я вернусь завтра для очередной консультации и проверки того, как я справляюсь без врачебного наблюдения.

Больница осталась позади, и я смотрела в окно машины на городской пейзаж, отчаянно пытаюсь найти хоть что-то знакомое. Но видела лишь ничем не примечательную череду бесконечных автомобилей, улиц и домов. Обыденные бензозаправки и вереницы магазинных витрин. Ничего знакомого. Ничто не привлекало особого внимания. Интенсивное уличное движение. Над шоссе дрожало жаркое марево, придавая окружающему миру еще более нереальный вид. Пирс то и дело бросал на меня быстрые взгляды. Я чувствовала его

волнение. Тревогу. Он тщетно пытался завести разговор. Я не знала, о чем с ним говорить. Может, зря я согласилась так быстро уехать из больницы. Я не узнаю этого мужчину, несмотря на то что он вроде бы мой близкий друг.

Минут через пятнадцать пейзаж стал более живописным. Мы проезжали центр городка, изобилующий бутиками и кофейнями. Пирс сказал мне, что это и есть Крайстчерч. Тот городок, где я живу. Слегка подавшись вперед, я принялась более пристально разглядывать улочки. И хотя по-прежнему ничего не узнавала, почувствовала себя менее напряженно, даже более комфортно. Я вдруг поняла, что хотела бы жить здесь.

- Ты тоже живешь здесь? - спросила я. - То есть в Крайстчерче.

- Я живу в Борнмуте, - ответил он, - не очень далеко отсюда.

- В районе больницы?

- Боже, нет. Унылый райончик. Я живу в Уэстборне.

Впереди я увидела тупик, где теснились прелестные черно-белые фасады разных лавочек. За этими затейливыми старыми зданиями возвышалась красивая древняя церковь.

- Обалдеть! - воскликнула я.

- Что? Ах да, это как раз останки аббатства Крайстчерч, - пояснил Пирс, свернув на невероятно узкую улочку с рядами маленьких коттеджей. Вскоре исчезли тротуары, а дорога еще больше сузилась, и гуляющему семейству пришлось прижаться к домам, чтобы дать нам проехать.

- Почти прибыли, - сообщил он, резко поворачивая налево.

Неожиданно дома расступились. Перед нами зеленел обширный газон с традиционной открытой эстрадой. А за ним поблескивала широкая лента реки, изобиловавшая разномастными лодками и пернатой дичью. Прекрасный вид. Словно живописная иллюстрация из какого-то альбома.

– Неужели здесь я и живу? – спросила я.

– Да, на набережной. Мы в десяти секундах от твоего жилья. Или могли бы быть, если бы не те идиоты. – Пирсу пришлось замедлить ход, следуя за компаниями, прогуливающимися по середине дороги.

– Туристы, – проворчал Пирс, – они, похоже, не соображают, что дороги сделаны для машин. Из-за них добраться до тебя летом кошмарно трудно.

Моя нервозность уменьшалась по мере того, как я впитывала атмосферу окружающего пейзажа. Сияние солнца, отдыхающие на траве люди, медленное скольжение по реке лодок, уток и лебедей. Ресторанчики и кофейни. Поистине идиллическая живописная картина. Особенно после скучной, однообразной стерильности больничной палаты.

Пирс повернул налево в какой-то вымощенный булыжником проулок. Он не выглядел как дорога, предназначенная для машин, и теперь еще больше гуляющих препятствовало там нашему продвижению. Мы проехали мимо художественной выставки под открытым небом, устроенной на территории старой мельницы. Сразу на ней Пирс свернул направо, и мы проехали по мостику к какому-то частному, видимо, жилому комплексу.

– Тут я и живу?

– Именно.

Я приглядывалась к выстроившимся на набережной домам, мимо которых мы проезжали. Трех- и четырехэтажные особнячки с личными парковками и причалами. Пирс остановил «Порше» на автостоянке рядом с голубым «Мини-Купером».

– Приехали, – сообщил он, – и на случай, если ты сомневаешься, это твоя минитачка.

Я взглянула на узкий белый особнячок. Ну вот мы и дома, но неожиданно мои страхи вновь мстительно разыгрались. Зрелище, конечно, волнующее, хотя я по-прежнему ничего здесь не узнаю. И не могу отделаться от ощущения, что все

это, должно быть, шутка или какой-то тщательно спланированный розыгрыш. Что сам Пирс, и этот дом, и симпатичный городок под ярким солнцем, все это может исчезнуть, растаять как дым, и я останусь одна на холодном пустынном берегу.

Он выключил мотор, его тихое урчание сменилось плеском и журчанием воды, визгливым кряканьем речных птиц, скрипом лодочных мачт и доносящимися издали детскими возгласами и смехом. Все совершенно незнакомо.

– Держи, – сказал Пирс, что-то вручив мне. Опустив глаза, я увидела на ладони связку ключей, а он добавил: – Это мои, запасную связку ты держишь в кухонном ящике.

– Спасибо.

– Но, детка, тебе придется сменить замки, – заметил он, – подозреваю, что ты потеряла свои ключи вместе с мобильным и прочим содержимым сумочки.

Я кивнула, сжав в пальцах прохладный металл ключей.

– Пойдем? – Он открыл дверцу машины со своей стороны.

Я тоже открыла дверцу, и на меня мгновенно навалился плотный вал жары с влажным речным запахом, сдобренным машинным маслом и ароматами барбекю. Я последовала за Пирсом, направившись, очевидно, к моей входной двери. Он ждал, что я сама открою ее, но я просто отдала ему ключи обратно, слишком растерянная даже для попытки открыть ее. Он любезно выполнил роль хозяина, и я вошла вслед за ним в прохладную сумрачную прихожую. Я невольно отметила, как он отключил сигнализацию.

– Я сообщу тебе код потом, – сказал он.

– Должно быть, у меня отличная работа, раз я могу себе позволить такой дом, – заметила я.

– На самом деле сейчас ты не работаешь.

– Как это? – Я резко остановилась. – Почему? А кем же я работала обычно?

– Раньше работала учителем в начальной школе.

– Раньше?

Почему же сейчас я не работаю? Как же тогда я могу позволить себе жить здесь? И все равно, разумеется, учителям платят не так уж много.

– Давай поговорим об этом позже, – предложил он.

В голове у меня крутилось такое множество вопросов, что она опять заболела. Он уже направился к ведущей наверх лестнице, но я заинтересовалась нижними комнатами.

– Пирс, что находится там? – Я показала на какую-то дверь в прихожей.

– Там твой кабинет. – Он остановился и повернулся ко мне. – Оттуда можно выйти в сад. В общем, говоря «сад», я имел в виду внутренний двор. Другая дверь ведет в гараж, а за этой находится туалетная комната. Хочешь все осмотреть?

– Ладно, посмотрю позже. – Я последовала за ним по лестнице, ожидая увидеть кухню или гостиную.

– Твоя спальня, а рядом спальня для гостей, – продолжил ознакомительную экскурсию Пирс, показав на две двери, выходящие на лестничную клетку, через которые я мельком увидела розовые ковры и кровати с разбросанными пухлыми подушками.

Он продолжил подъем на третий этаж. Я послушно тащилась сзади. Выйдя на площадку, он обернулся и взял меня за руку.

– Добро пожаловать домой, Мия. Я соскучился.

Он притянул меня к себе и склонил голову для поцелуя.

Я резко отстранилась и повернула голову, так что его губы коснулись лишь моего уха.

- Мия... - пробормотал он. - Мы же...

- Прости, Пирс, - в смятении ответила я, - Не могу... Я же пока совсем не узнаю тебя, - даже произнеся его имя, я осознала, как незнакомо оно звучит. Он оставался для меня совершенно чужим человеком.

Высвободив руку, я отступила в сторону и направилась ко входу в верхнее помещение, пытаясь придумать, что можно сказать для снятия неловкого напряжения. Передо мной открылось замечательное светлое пространство. Половина представляла собой роскошную гостиную с изящным угловым диваном стиля честерфилд, обтянутым кремовой кожей, с мягкими подушками и кремовым ковром с густым ворсом. Во второй половине находилась кухня-столовая. Французские окна[3 - Панорамные окна от пола до потолка, фактически застекленные двери.] выходили на большой балкон, с которого открывался вид на реку и раскинувшиеся за ней поля.

- Классно, - оценила я, - тут есть на что посмотреть.

- Здесь как-то душновато, - заметил он, расстегивая воротник рубашки, - пожалуй, немного воздуха не помешает. - Пирс быстро прошел к застекленным дверям балкона и с усилием распахнул их.

На меня повеяло легким ветерком.

- Бокал вина? - предложил он.

Отлично, неловкость с поцелуем мы предпочли забыть. Меня это устраивает.

- Звучит заманчиво, - с облегчением ответила я.

Я сделала пару шагов к балкону, наслаждаясь прохладным током воздуха. Мне отчаянно хотелось стащить с себя отвратительную пижаму. И принять душ. Честно говоря, я предпочла бы, чтобы Пирс просто ушел. Мне нужно было осмотреться и побыть в одиночестве. Но могла ли я предложить ему уйти, не

показавшись невежливой и неблагодарной?

Он прошел в кухонную половину, где достал из серванта пару бокалов и поставил их на черную мраморную столешницу барной стойки. Я заметила, как ловко он открыл бутылку красного вина. Полностью сосредоточившись на своем деле, он ни разу не взглянул в мою сторону.

Ладно, решила я, мы выпьем вместе по бокалу вина, а потом я попрошу его дать мне возможность отдохнуть в одиночестве.

* * *

Слабый ветерок почти не освежает теплый вечерний воздух. Капельки пота стекают по моей спине. Спокойная гладь реки, в тумане вырисовываются очертания деревянного строения, его пустые окна глазят на меня с каким-то угрожающим блеском. Вокруг ни души. Я в полном одиночестве, так почему же так испуганно забилося сердце, почему я так разволновалась? Может, я жду чего-то или кого-то? И вдруг я вижу вдалеке туманную фигуру. Она неспешно направляется ко мне вдоль берега реки. Я не в силах убежать. Не могу двинуться с места. Она приближается ко мне, ее глаза горят ненавистью.

Глава 7

Вчера вечером мне удалось все-таки избавиться от Пирса. Немилосердно, но мне отчаянно хотелось остаться одной, а он торчал в доме целую вечность. Заявил, что лучше бы ему остаться у меня в гостевой спальне... убедиться, что я буду хорошо себя чувствовать. Однако мне удалось убедить его, что я вполне справлюсь сама и со мной все будет в порядке. Мне необходимо отключиться после бесконечной череды медсестер, врачей и полицейских. Мне элементарно нужны покой и тишина. Уходил он с кислым видом, но я, видимо, умиротворила его, пообещав, что мы встретимся сегодня за ланчем.

И вот теперь я нежусь под теплым лоскутным одеялом, окутанная темнотой собственной спальни. Светящиеся цифры на часах рядом с кроватью подсказывают, что уже двадцать две минуты восьмого утра. Потянувшись, я

выскользнула из-под одеяла, открыла плотные кремовые шторы и прищурилась от хлынувшего в комнату золотистого солнечного света. И вновь увиденное ошеломило меня. Так же как в верхней гостиной, здесь имелся балкон, с которого открывался вид на реку. Безусловно, я понимала, что делала, покупая жилье в таком славном местечке.

Роскошное ощущение полного одиночества. Я словно смогла наконец свободно вздохнуть полной грудью. Пусть мое прошлое забылось, но, по крайней мере, у меня есть собственное жилье в красивом месте. А с остальным я как-нибудь справлюсь. Мне даже удалось хорошо выспаться прошедшей ночью. В сравнении с больничной койкой моя широкая домашняя кровать на редкость комфортна. Опять устроившись на смятом одеяле, я с удовольствием впитывала в себя вид поблескивающей речной глади под высоким голубым небом.

Отдохнувшая и успокоившаяся, я вдруг поняла, что из подсознания начинает просачиваться смутное воспоминание. Боясь спугнуть его, я затаила дыхание. Неужели память оживает? Или это только обрывки ночного сна? Я пыталась собрать фрагменты ощущений, но мне, видимо, пока не под силу удержать их. В отчаянии я силилась вспомнить подробности.

Вечером я стояла около какого-то деревянного дома. Около запертого здания. Обезлюдившего. Я испытывала... страх? Что-то еще? Сердце у меня заколотилось, когда вспомнилось ощущение страха. В памяти мелькнул образ женщины. Я не могу четко представить ее лицо, но она приближается ко мне. С явным намерением причинить мне вред. Я застыла в ужасе. Стояла как вкопанная, не способная убежать.

Закрыв глаза, я попыталась вычленить из тумана подробности. Но чем сильнее я пыталась, тем больше подробностей ускользало от меня. Ощущения, породившие эти образы, уже исчезли. Как же мне понять, было ли это воспоминанием. Ведь эти образы просто могли привидеться во сне. Как же понять, какие из них реальны? Разумеется, раньше я понимала разницу между сном и воспоминанием, но теперь мой рассеянный ум пребывает в смятении. Сердце кольнула очередная игла страха, и я попыталась избавиться от него, восстановить состояние мирного утреннего пробуждения. Однако тот мир разбился вдребезги, сменившись глубокой тревогой.

Я не смогу так жить. Не зная, кто я такая. Не понимая, где реальность, а где воображение. Я грустно вздохнула. Кажется, даже солнечный свет насмехается

надо мной. Любой человек осознает, кто он такой. Все знают свое место в этом мире. А я потеряла все связи с ним. Однако я свободна. Хотя и пребываю в растерянности.

Я отказываюсь сидеть здесь и тупо бездельничать. Надо одеться и заняться чем-то полезным. В любом случае сегодня утром у меня назначена очередная встреча с доктором Лазовски. Глубоко вздохнув, я подумала, найдется ли на кухне что-нибудь для завтрака. Голод побудил меня встать и принять душ.

Спустя четверть часа я плавно отодвинула в сторону одну из дверей гардероба, занимавшего целую стену моей спальни. Заполненный разнообразной одеждой и обувью, он ошеломил меня возможностями выбора. Для джинсов сегодня, пожалуй, слишком жарко. В итоге, отвергнув несколько вариантов из-за излишней гламурности, я остановилась на скромном сарафане из легкой ткани шамбре, на ощупь она лишь немного плотнее батиста.

Под аккомпанемент урчащего желудка я поднялась в кухню, надеясь обнаружить там хоть что-то съедобное. В буфетах хранились какие-то консервы и пакеты, но больше порадовало содержимое холодильника: салаты, греческий йогурт и корзинка со свежими ягодами. Правда, меня едва не стошнило, когда я принюхалась к молоку, давно просроченному, как оказалось.

Вскоре я уже шествовала на балкон с чашкой травяного чая и плоской залитой йогуртом гранолы[4 - Гранолы – блюдо сродни мюсли.]. По площади этот балкон скорее тянул на террасу, там вольготно расположились два шезлонга, комплект ротанговой мебели, включавший диван и два кресла, укомплектованные подушками. Проскользнув мимо столика со стеклянной столешницей, я устроилась на диване и со стуком поставила на стол кружку и плоску.

Снизу донесся звук заводящегося мотора. Чуть позже завелась другая машина. «Наверное, – подумала я, – в это время народ как раз выезжает на работу». Пирс пока так и не объяснил мне, почему я не работаю. Как же мне удастся оплачивать ипотеку, если я ничего не зарабатываю? Сегодня за ланчем надо будет все у него выпросить.

Сквозь балконные перила я увидела крупного мужчину в костюме, он стоял рядом с велосипедом на соседней подъездной дорожке. И разговаривал с женщиной. Спорил. До меня долетали слова... обрывки фраз: «Не моя вина»...

«Не забывай, что»... «Нет, что за глупости»...

Мужчина поднял голову. Из-за его темных очков, я не знала, смотрит ли он именно на меня. Он поднял руку. Подумав, что он махнул мне рукой в знак приветствия, я тоже махнула ему, испытывая легкую неловкость. Женщина проследила за его взглядом и увидела меня, однако хмурое выражение ее лица не изменилось. Должно быть, они мои соседи. Мужчина сел на велосипед и укатил.

- Мэтт! - крикнула она ему вслед.

Он не обернулся, просто вскинул руку и крикнул в ответ:

- Я опаздываю. Увидимся позже.

Она опять глянула на меня с еще большей мрачностью, отвернулась и исчезла в своем доме.

* * *

Еще не было восьми часов, но воздух уже прогрелся, над рекой и раскинувшимися к востоку полями поднималось летнее солнце. Я подумала, что лучше высушу волосы прямо здесь, под утренним солнцем, позволив проявиться их волнистой природе. На фотографиях, показанных Пирсом, мои волосы выглядели идеально... совершенно прямые, уложенные в почти безжизненную прическу с помощью выпрямителей и косметических средств. Оригинальное напоминание о моей прошлой личности в сравнение с той, какой я представляю себя сейчас.

Пережевывая гранолу, я вглядывалась в речное течение, стараясь ни о чем не думать и успокоиться. Оставив на время напряженные попытки оживить воспоминания.

Через полчаса я вернулась в гостиную, и ее более прохладный воздух приятно охладил мою разогретую солнцем кожу. К доктору мне следовало явиться в четверть одиннадцатого, и я не собиралась опаздывать. Я почти не сомневалась, что у меня сохранилось умение водить машину, поэтому решила осмелиться

сама доехать до больницы. Понятно, что я могла бы вызвать такси – Пирс выдал мне солидную пачку наличных, чтобы отлично прожить до того, как я сумею восстановить свои кредитки – но мне хотелось как можно быстрее включиться в самостоятельную жизнь. И вообще, может, вождение поможет мне сориентироваться. Нужно же познакомиться с окрестностями.

В кухонных ящиках нашелся и комплект ключей от машины. Я догадалась, что это именно они, поскольку брелок украшал логотип «Мини-Купера». Положив немного наличных в кожаную сумочку на длинном ремешке, я закинула ее на плечо и направилась вниз по лестнице, не обращая внимания на малодушный холодок в животе.

Навигатор помог мне довольно быстро и без всяких происшествий добраться до Бонмутской больницы. Без особых сложностей я нашла место для парковки, взяла парковочный талон и направилась к главному входу, постукивая по асфальту низкими каблуками сандалий. Казалось, я уехала отсюда очень давно. Даже не верилось, что с того момента прошло меньше суток.

Придя в неврологическое отделение, я сообщила свое имя в регистратуре и устроилась в кресле приемного покоя. После десяти минут беглого просмотра какого-то развлекательного журнальчика меня пригласили в кабинет доктора Лазовски.

Она приветливо улыбнулась мне, когда я вошла в небольшой консультационный кабинет. В очередной раз меня поразило то, как молодо она выглядит – не намного старше меня самой. Вероятно, я полагала, что консультирующие неврологи должны быть значительно старше. В распахнутое настежь окно просачивался приглушенный шум уличного движения.

– Присаживайтесь, пожалуйста, Мия, – предложила она, – выглядите отлично. Значительно лучше. Сожалею, что здесь так жарко. Я открыла окно, но прохладнее явно не стало.

– Доброе утро, – сказала я, опускаясь на стул.

– Как вы себя чувствуете? – спросила она.

– Спасибо, хорошо, – правдиво ответила я.

- Вам удалось что-нибудь вспомнить?

- Не совсем... но вроде бы, - с запинкой произнесла я, не уверенная, что, собственно, могу сказать.

- Правда? Что ж, это отличная новость. Расскажите.

Перед ней на столе лежала история моей болезни. Ее ручка нацелена на чистую страничку, готовая записать мои слова.

- Я не знаю, является ли это именно воспоминанием, - пояснила я, - вполне возможно, что мне все приснилось. Никакой уверенности у меня нет.

- Все нормально. У вас появилось четкое воспоминание или какие-то обрывки?

- В общем, сегодня утром я проснулась с каким-то новым ощущением, и оно сопровождалось образами.

- Продолжайте, - спокойно сказала она.

Опять вспоминая утренний сон, я почувствовала, как вспотели ладони. Перед мысленным взором промелькнули образы той женщины.

- Мне приснился какой-то вечер, - сообщила я, - и деревянное здание поблизости от меня. Помню, что я волновалась... нервничала...

Я решила не говорить о приснившейся мне пугающей женщине. Наверняка она всплыла просто из ночного кошмара, и память тут ни при чем, к тому же такое описание могло прозвучать чересчур драматично. В любом случае мне не хотелось даже думать о той женщине, не то что говорить о ней. Я вздрогнула, лишь попытавшись представить ее образ. Но чем больше я думала о нем, тем более реальным он казался. Поэтому я выбросила его из головы.

- Вы узнали то здание? - спросила доктор Лазовски.

- Нет. К сожалению. Но все равно, вероятно, мне просто приснился обычный сон.

– Мия, это здорово! Вы видели новые образы и вспомнили ощущения. Это явный шаг вперед. А сон то был или воспоминание, не имеет значения. До этого ведь вы не могли вообще ничего рассказать. Поэтому я надеюсь, что вы на верном пути к восстановлению памяти.

Ее слова глубоко порадовали меня. Я надеялась, что она права. Надеялась, это означает, что память действительно начала возвращаться ко мне.

– Кроме того, получены результаты вашей МРТ. Я попросила рентгенологов передать их мне сразу по окончании анализа данных.

Эти новости тут же завладели моими мыслями. Даже не знаю, что меня больше страшило. Нервно потеряв пальцы, я в ожидании скрестила руки на груди.

Доктор Лазовски продолжила. Слава богу, она не стала затягивать паузу:

– Согласно сканированию, у вас все в порядке... не обнаружено ни омертвевших тканей, ни патологических изменений, ни аневризм и новообразований. Ваш мозг, по-видимому, полностью здоров. Следовательно, нет никаких причин, препятствующих восстановлению вашей памяти. Мы не усматриваем ни малейших оснований, что ваша амнезия затянется или усугубится.

– Я вам так благодарна, – еле слышно пролепетала я. – А вы уверены?

– Разве мы можем хоть в чем-то быть полностью уверены? Но я полагаю, что полученные вами шишки ни в коей мере не могли способствовать потере памяти. Ретроградная амнезия, вероятнее, вызвана психологической травмой – чем-то вроде потрясения от того, что вы едва не утонули.

Хорошо, что результаты сканирования не выявили повреждений, но они ни в малейшей степени не прояснили того, что же случилось со мной. Я по-прежнему не представляю, как оказалась без сознания и без памяти на том пляже. И хотя теперь известно, где я живу и как меня зовут, я по-прежнему не знаю, кто я такая.

Глава 8

После больничной консультации я заехала домой освежиться перед ланчем с Пирсом. Мне захотелось прогуляться по Крайстчерчу до выбранного Пирсом ресторана. Учитывая, что центр городка располагался на одной длинной улице с редкими ответвлениями, я не сомневалась, что найду его. Выйдя из дома, я свернула с набережной и направилась в сторону аббатства. Вскоре вдруг осознала, что машинально решила срезать путь, пройдя через заполненную парковку, обогнув очереди к билетному автомату и родителей, занятых борьбой с автомобильными креслами и складными колясками. Все эти люди вели обычную жизнь со своими родными и близкими, с теми, кого они любили... или, возможно, ненавидели, но в любом случае – знали. Я пока знала в этом мире только Пирса и решила, что сегодня постараюсь узнать его получше.

Оставив позади автомобильную парковку, я оказалась в тени стен церкви бывшего аббатства, прошла по дорожке мимо газона со старинными надгробиями. Древние могильные плиты покрылись белесыми пятнами и лишайником. Я подняла взгляд и, точно зачарованная, замерла перед этим величественным зданием, перед его древней твердыней, высокие окна его высоченной квадратной башни, казалось, пристально уставились на меня. Интересно, давно ли церковь стоит здесь? Какие драмы и трагедии видела она за многовековую жизнь?

Вчера Пирс объяснил мне, как дойти до ресторана. Сказал, что на круговой развязке надо повернуть направо. И вскоре я заметила впереди на людной главной улице упомянутую им вывеску. Хотя сама улица вовсе не выглядела знакомой. Ни одного бросающегося в глаза ориентира или навевающего воспоминания магазинчика. У меня не возникло ни малейшего ощущения того, что я уже бывала здесь прежде, не считая вчерашней дороги домой. Может, я слишком упорно пытаюсь сосредоточиться, отчаянно стараясь хоть что-то вспомнить.

Между тем я успела проголодаться. После раннего завтрака прошло много времени, и я вполне созрела для ланча. Пройдя еще немного, я вдруг осознала, что машинально толкнула дверь симпатичного французского ресторанчика. Не понимаю, почему я надеялась увидеть полупустой зал. Естественно, меня встретил гул множества голодных клиентов. И все столики, похоже, заняты. Остается надеяться, что Пирс забронировал для нас местечко.

Ко мне направился молодой официант, и я уже собиралась назвать ему свое имя, но не успела, поскольку он улыбнулся и поцеловал меня в обе щеки.

– Мия! Мы слышали, что с тобой произошло, – приветливо произнес он без всякого французского акцента, – я видел новости по телевизору. Как ты себя чувствуешь? Выглядишь изумительно, как всегда. Пирс уже здесь, за вашим обычным столиком.

Я сдвинула черные очки на голову и обвела взглядом зал, пытаюсь высмотреть, где находится наш «обычный» столик.

– Как всегда, – добавил официант, – у окна.

Я развернулась и увидела улыбающегося мне Пирса. Меня опять поразила его красота. К тому же он выглядел более дружелюбным, чем вчера. Может, потому, что вчера он просто больше волновался. Естественно, он мог и нервничать. Поэтому, я вела себя с Пирсом резковато. А ведь он мой друг, то есть должен мне нравиться. Может, я даже любила его. Интересно, какой стадии достигли наши отношения? Насколько они серьезны? И давно ли мы общаемся? Мне необходимо выяснить у него не только все эти вопросы. Безусловно, между нами имелась какая-то интимная связь или симпатия.

– Спасибо, – поблагодарила я официанта.

– Спасибо, приятель, – подхватил Пирс, – не мог бы ты принести для Мии бокал «Просекко»[5 - «Просекко» – итальянское игристое вино.]?

– С удовольствием.

Пирс встал, и мы чмокнули друг друга в щеку. Я с благодарностью заметила, что сегодня он даже не попытался коснуться моих губ. Может, ему все-таки присуща некоторая чуткость.

– Как дела в больнице? – спросил он, опять садясь за столик. – Лучше бы ты позволила мне отвезти тебя.

Опустившись в кресло, я положила сумочку на подоконник.

- Все нормально. Я даже не заблудилась.

- Ты сама вела? - Он нахмурился и покачал головой. - Я же просил тебя взять такси.

- Со мной все нормально. Я не больна. Просто память немного... подводит.

- Ладно, детка. Я лишь беспокоился о тебе, только и всего.

- Спасибо, - ответила я с улыбкой, подумав, как приятно, что кто-то беспокоится обо мне.

- Итак, что же сказала доктор? - глотнув вина, поинтересовался он.

- По-моему, она сообщила мне хорошие новости. Результаты сканирования моего мозга чисты. Ни малейших повреждений. То есть у меня что-то типа психологической амнезии, и будем надеяться, что скоро память начнет возвращаться ко мне.

- Какая потрясающая новость! За это надо выпить.

Официант вернулся с моей выпивкой. Я взяла бокал и подняла его над столом.

- За воспоминания! - провозгласил он.

- За воспоминания, - усмехнувшись, повторила я, и мы чокнулись.

- Надеюсь, ты не обидишься, что я уже сделал заказ за тебя. Все равно ведь ты всегда заказывала одно и то же.

- И что же это? - с любопытством спросила я.

- Подожди и увидишь.

- Да ладно тебе! - Я глянула на него с притворным недовольством. - Колись.

– Я вижу, что ты по-прежнему нетерпелива, – отшутился он, закатив глаза и ухмыльнувшись.

– Отлично. Могу и потерпеть. Хотя я проголодалась, – дотянувшись до корзинки, стоящей на середине столика, я отломил кусочек теплого хрустящего хлеба.

– Гм-м, – промычал Пирс, – это нечто новенькое.

– Что именно? – спросила я, засунув хлеб в рот.

– Пустяки. Просто... ты обычно вообще не ела хлеба.

– Почему? Ведь это же пища богов. – Я отломил еще кусочек.

– Ты испачкалась мукой... – заметил он и, склонившись ко мне, смахнул что-то пальцем с уголка моих губ.

«Какой интимный жест», – подумала я и с досадой почувствовала, что покраснела.

– Итак, – заявила я, смахивая с сарафана воображаемые крошки, – чем ты занимаешься... ну, зарабатываешь на жизнь?

– Я застройщик.

– Вот как, отлично. Значит, тебе нравится строить и продавать дома?

– В общем, да.

– И сейчас ты занимаешься строительством какой-то недвижимости? – спросила я.

– Да, я работаю над одним проектом. Он пока на начальной стадии, – ответил он, сделав изрядный глоток вина.

Мне вино, похоже, уже ударило прямо в голову.

– И тебе нравится? – спросила я. – Ну, работать застройщиком? Ты давно этим занимаешься? – Отломив очередной кусок хлеба, я сунула его в рот в вялой попытке уменьшить воздействие алкоголя.

– Пока недавно, – признался он, осушив свой бокал, – но работа хорошая. Хотя и трудная.

– Так ты там занимаешься проектированием и застройкой? – уточнила я, сомневаясь, интересуется ли меня действительно его ответ, или просто мне хочется поддерживать разговор. – Или ты платишь тем, кто работает на тебя?

– Отчасти верны оба варианта.

– Ты говорил раньше, что я не работаю?

– Да, пока не работаешь. Ты решила отдохнуть от преподавания.

– А почему я захотела отдохнуть?

– Я... Ах, вот и наш ланч.

Подняв глаза, я увидела, что вернулся наш официант. Пирс заказал себе филе-миньон с жареной картошкой, а передо мной поставили какой-то худосочный на вид салатик. Я с жадностью глянула на его бифштекс.

– Утиный салат со спаржей, – пояснил Пирс, – твой любимый.

– Отлично, спасибо, – вежливо поблагодарила я, жалея, что он не позволил мне самой выбрать блюда.

Пирс заказал себе еще бокал вина, и мы жадно принялись за еду. Не внушавший поначалу доверия салат оказался бесподобно вкусным и даже довольно сытным. Судя по всему, в прежней жизни я знала толк в хорошей пище.

– Сегодня ночью мне приснился странный сон, – сообщила я, глотнув «Просекко», – однако я подумала, не мог ли он быть как-то связан с

воспоминаниями.

– И что же тебе приснилось?

– На самом деле какая-то глупость. Я стояла вечером около какого-то деревянного здания.

– Деревянного? Какого типа? Коттедж? Навес?

– Нет, ни то ни другое. – Я вызвала ту картину в воображении. – Оно выглядело как большой гараж. Наверное, это мог быть какой-то склад или хранилище. И, по-моему, к нему еще был пристроен огромный балкон. Он выходил на реку.

– Судя по описанию, похоже на гребной клуб, – заметил Пирс, наколов на вилку ломтик картошки.

– Ты так считаешь? – У меня радостно екнуло сердце от осознания того, что у меня могло проявиться реальное воспоминание.

– Не уверен, – отозвался он, – но возможно.

Перед моим мысленным взором промелькнул яркий образ той пугающей женщины. Пристально глядя на Пирса, я попыталась подавить его, вытеснить из головы.

– Надо бы сходить туда после ланча, – сказала я, подавляя укол страха, – проверить, узнаю ли я его.

– Звучит почти хорошо, – согласился Пирс, проглотив картошку и запив ее вином.

– Что ты имеешь в виду?

– В общем, хорошо, что, только вчера выйдя из больницы, ты уже собираешься вернуться к этому чертову гребному клубу. – Он скривил губы в обиженной улыбке.

– О чем ты говоришь? – удивилась я. – Если это мое первое воспоминание, то, разумеется, я должна сходить туда. Надо посмотреть, не оживит ли его вид еще что-то.

– Конечно, – ответил он, допив вино и дав знак официанту принести очередной бокал.

– Ты же понимаешь, верно? – спросила я, досадуя на то, что он явно не одобряет моего намерения.

Неужели он готов позволить прошлым проблемам омрачить мои нынешние трудности?

– Понимаю, – проворчал он.

– В любом случае какая там у меня проблема с этим гребным клубом? – Внезапно потеряв аппетит, я положила нож и вилку.

– Пустяки. Забудь.

– Интересно, как же это я смогу забыть? Очевидно же, что у меня там есть какие-то сложности.

– Господи, где же запропастился наш чертов официант с моим вином? – Он обвел взглядом зал. – Надо было сразу заказать бутылку.

– Пирс? – Я попыталась опять завладеть его вниманием. – Расскажи, что за проблема у меня с этим гребным клубом?

– Просто ты проводила на реке слишком много времени.

– Ладно. Извини, я поняла. Но ты ведь согласен, что мне необходимо сходить туда сегодня. Если это поможет мне оживить память, то...

– Да, разумеется, – хмуро ответил он.

– Почему бы тебе не сходить со мной? – спросила я, пытаюсь улучшить ему настроение.

– Днем у меня слишком много дел с новой квартирой. Должны доставить оборудование для ванной комнаты, а я сегодня один дежурю на объекте.

– О, понятно, – сказала я, почти обрадовавшись, что он не сможет сопровождать меня.

Вероятно, мне как раз и следовало отправиться туда одной. Если со мной будет Пирс, то он будет отвлекать меня. Я не смогу сосредоточиться только на воспоминаниях.

– Хотя я могу заехать к тебе позже, – предложил он, слегка повеселев.

– А может, лучше нам встретиться завтра? – помедлив, спросила я. – Сегодня мне очень хочется пораньше лечь спать. Я все еще чувствую себя ужасно слабой.

– Я могу заглянуть всего лишь на часок-другой, – угодливо продолжил он, – не стану задерживаться.

Было бы проще уступить ему. Ему явно не хочется услышать отказ. Но я осознавала, что позже пожалею об этом.

– Только не сегодня, – решительно произнесла я, – честно говоря, я практически не способна к общению.

– Мия, – резко отставив пустую тарелку, он вытер губы салфеткой, – ты хоть понимаешь, как странно все это для меня?

Странно для него?

– Гм, да. Конечно.

– Я имею в виду, что всего несколько дней назад ты была моей. Ты любила меня, между нами сложились прекрасные отношения. И вдруг при очередной встрече ты даже не узнаешь меня и не желаешь, чтобы я просто зашел к тебе в гости.

Разве это не странно?

– Конечно странно, Пирс. – Я старалась говорить спокойно, с трудом веря в то, что он мог подумать, будто его положение более странно, чем мое собственное. – Я понимаю, что тебе трудно это понять. Однако это не мой выбор. Мне вовсе не хотелось потерять память. Я же теперь ничего не знаю о себе. Не знаю, что мне нравится есть, какую одежду предпочитаю носить. Черт побери, я даже не узнаю в зеркале свое лицо.

– Ладно-ладно. – Он смиренно поднял руки. – Не кипятись. Я лишь стараюсь поддержать разговор. Стараюсь придумать, как нам лучше действовать дальше.

Он закинул руки за голову и помассировал затылок.

– Извини. Я сорвалась невольно. Мне не хотелось ругаться, – прошептала я, глядя в окно на парочку средних лет, изучающую вывешенное перед входом меню.

Должно быть, Пирс подумает, что я полнейшая идиотка, не способная сдерживать свои порывы.

– Но я даже не знаю, сколько мне лет, – пробормотала я.

– Двадцать пять, – вздохнув, сообщил Пирс.

Я одобрительно хмыкнула, подумав, что четверть века, видимо, вполне приемлемый возраст, и спокойно глянула на него. Он уставился на свою пустую тарелку. Не знаю, сердится ли он на меня или огорчен чем-то еще.

– Если такое положение тебя смущает, – начала я, – может, ты хочешь... в общем, не знаю... не стоит ли нам... сделать перерыв в отношениях. Или вообще расстаться?

– Что? Господи, нет, Мия. Менее всего мне хотелось бы такого решения, – наклонившись в мою сторону, он завладел моими руками, – пусть, ты пока не узнаешь меня, но я-то знаю тебя, Мия Джеймс. И люблю тебя. Мы просто созданы друг для друга, и я позабочусь о том, чтобы ты поняла это.

Внезапно я осознала, как ужасна такая ситуация должна быть для Пирса. Ведь его любимый человек тупо смотрит на него, как на незнакомца, как на пустое место. Это похоже на удар ниже пояса. Я слегка пожала его руки и вяло улыбнулась.

- Спасибо, - еле слышно выдавила я.

Глава 9

После ланча с Пирсом я пребывала в дико нервном, взвинченном состоянии. Направляясь в сторону дома, я размышляла, не отправиться ли, к примеру, на пробежку, но решила, что для этого слишком жарко. Градусов тридцать пять, наверное. Пока моя память не вернется, я не представляла, как у нас с Пирсом может что-то получиться. Я не испытывала к нему ни малейшей привязанности. Никакой искры симпатии. С моей стороны, во всяком случае.

На глаза мне попала витрина магазинчика сотовых телефонов, и я решила зайти туда и выбрать себе новый мобильник. Не то чтобы у меня сейчас много знакомых, которым хотелось бы позвонить, но все-таки со временем телефон мне понадобится. Проведя в магазине около часа, я в результате выбрала мобильник, осчастливив скорее продавца, чем себя. Обратившись на улицу я вышла разгоряченная от жары и не менее, чем раньше, взвинченная: так и не удалось успокоиться. Я опять пошла в сторону дома, хотя пока вовсе не хотела туда возвращаться. Мне подумалось, что лучше сейчас сходить глянуть на гребной клуб. Я, конечно, не знала, где именно он находится, но надеялась, что сумею выяснить это у прохожих.

Несмотря на жару, я шла быстро, и впереди уже виднелась набережная. Поблизости от моего дома находился какой-то яхт-клуб. Может, в него входит и гребной клуб? Вновь проходя через автостоянку, я порадовалась тому, что там высились тенистые деревья, да и с реки уже веяло легким ветерком. Покинув прохладную тень стоянки, я пересекла мощенную булыжником дорогу, прошла по каменному мосту и направилась к яхтам. Вокруг было малоллюдно. Я приблизилась к семье, грузившей запасы в моторную лодку.

– Извините, – обратилась я к женщине, которая отчитывала своих сыновей за то, что они только дурачатся, вместо того чтобы помогать.

Она обернулась ко мне с сердитым видом, но тут же, осознав, что я не похожа на расшалившегося ребенка, улыбнулась.

– Привет, – доброжелательно откликнулась она, – тоже собираетесь покататься по реке? Денек выдался просто замечательный.

– Великолепный, – согласилась я, – но на самом деле я ищу гребной клуб.

– Ах, понятно. Тогда вы пошли не в ту сторону, – сказала она, махнув рукой на запад, – вам придется пройти минут десять туда. Но вы его не пропустите. Клуб находится сразу за детской игровой площадкой.

– Спасибо, – ответила я.

– Хотя для гребли сегодня жарковато будет, – заметила она, – надо иметь хорошую подготовку.

– Спасибо за совет. – Я улыбнулась.

Оставив позади суматошный яхт-клуб, я побрела по плавно изгибающемуся речному берегу, поглядывая на перекормленных уток и лебедей, восхищаясь серебристыми зарослями камыша на другой стороне и симпатичным деревянным домом, окруженным зарослями высокой травы. Я проходила мимо пожилых парочек, отдохавших на деревянных скамейках, и семейных компаний, игравших с мячом на траве. Утомленные жарой, по дорожке лениво трусили собаки, а впереди на игровой площадке и в аквапарке восторженно визжали дети. Я напряженно поглядывала по сторонам, надеясь увидеть нечто знакомое, но все вокруг казалось просто новым, новым и интересным. Ничто не намекало мне на то, что я бывала здесь прежде.

Миновав игровую площадку и завернув за излучину, я заметила на берегу реки четырех подростков с веслами, готовых забраться в лодку. Сброшенные резиновые сапоги лежали на гальке, а их инструктор плавно спустила на воду катер.

Я побежала к ней, надеясь успеть переброситься парой слов до начала занятия. Может, она даже узнает меня. Но оказавшись ближе, я глянула направо, и у меня перехватило дыхание.

Вот оно, здание. То самое, из моего сна. Пирс оказался прав. Расположенное у самого берега, оно выглядело ультрасовременно – деревянная облицовка, на верхнем этаже высокие, от пола до потолка, окна выходят на большой, опоясывающий здание балкон. Правда, мне оно запомнилось несколько иным – более грандиозным и впечатляющим – но, возможно, все дело в том, что так оно смотрелось ярким солнечным днем, а не безлюдным темным вечером из моего сна. Однако я не сомневалась, что вижу то самое здание. Мое сердце невольно забилося быстрее, когда я глянула на прибрежную дорожку, опасаясь увидеть там привидевшуюся мне во сне женщину. Разумеется, сейчас там ее не было, только семейная компания бросала в реку мяч, за которым тут же устремлялась игривая колли. Слегка успокоившись, я попыталась восстановить сбившееся дыхание.

Не считая тренера и ее подопечных у кромки воды, клуб выглядел покинутым.

– Извините, – обратилась я к женщине, подойдя ближе.

Тренер обернулась и озабоченно глянула на меня. Я не узнала ее. Юные спортсмены уже забрались в лодку, и сама она вот-вот собиралась последовать за ними. Я вступила на дощатый стапель и улыбнулась ей, но она лишь молча, без улыбки взирала на меня.

– Вы не знаете, есть ли сейчас кто-нибудь в клубе? – спросила я. – Можно ли туда зайти?

– Вы состоите в клубе?

– Наверное, да, – произнеся эти слова, я вдруг осознала, как сомнительно они прозвучали, и не удивилась тому, каким подозрительным взглядом она окинула меня.

Но не могла же я сообщать о своей амнезии каждой встречной; иначе люди могли подумать, что у меня и крыша поехала.

– Раньше точно состояла, – добавила я, избегая ложного шага.

– А-а, понятно. Тогда, если вы хотите возобновить членство, вам лучше всего сначала позвонить в клуб, и вам объяснят все, что нужно сделать. Но можете и сами найти все сведения в интернете.

– Ясно, спасибо.

– Не за что.

Она забралась в моторку и рванула за своей командой, ребята уже пошли вверх по течению. Я с завистью проводила их взглядом. Осознав, что тоже хотела бы оказаться в лодке на реке.

Пожалуй, пока я узнала все, что можно. Пора возвращаться домой. Слава богу, мне удалось отговорить Пирса от вечернего визита. Чертовски трудно понять, какими теперь могут быть наши отношения. Но придется постараться. Полагаю, он заслужил. Только... не сегодня вечером.

Этот день меня, пожалуй, порадовал. По меньшей мере я выяснила, что из памяти всплыло именно здание клуба, поэтому есть все шансы, что оживут и другие воспоминания. Должно быть, это хорошая новость. Однако сама клубная территория вызвала у меня странное ощущение. Несмотря на то что все вокруг выглядело благополучным и вроде бы знакомым, я испытывала странную тревогу.

– Мия!

Услышав свое имя, я обернулась, уже начав привыкать к его звучанию. Из боковой двери клуба вышел парень, одетый в шорты, футболку и кроссовки. Затенив ладонью глаза, он шагнул в мою сторону.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Пер. С. Логачева и И. Логачева.

2

999 – телефон экстренной службы в Великобритании.

3

Панорамные окна от пола до потолка, фактически застекленные двери.

4

Гранолы – блюдо сродни мюсли.

5

«Просекко» – итальянское игристое вино.

Купити: https://tellnovel.com/boland_shalini/devushka-iz-morya

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)